

Проведенные сектором конференции явились формой объединения научных сил отечественных антиковедов в масштабе всей страны. Эти конференции имели целью подведение итогов исследований, разрешение спорных вопросов и выработку научных перспектив. Первая конференция, проведенная в 1958 г., была посвящена процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья⁵. На ней был обсужден ряд кардинальных вопросов истории античных государств Северного Причерноморья, их исторической роли, экономических основ, периодизации и особенностей развития. Вторая конференция 1960 г. непосредственно вытекала из результатов первой. Античная цивилизация в значительной степени являлась городской цивилизацией. Поэтому проблема развития и особенностей античного города, которой была посвящена конференция, — одна из важнейших. Особенностью этой конференции было расширение диапазона исследований, а именно, постановка проблемы города для всей античной эпохи и на этой основе выяснение особенностей развития северопричерноморских городов⁶. Широкие и острые дискуссии на этих конференциях во многом способствовали уточнению вопросов и выработке общих положений. Тематика подготовлявшейся сектором третьей конференции по вопросам взаимодействия античной культуры и культуры северопричерноморских народов частично вошла в проблематику международной конференции антиковедов стран социалистического лагеря, проведенной в Ленинграде в апреле 1964 г.⁷. Ряд материалов третьей конференции был издан сектором отдельным сборником⁸.

Научно-организационная работа сектора этим не ограничивалась. Под руководством сектора проходила работа секции античной археологии на ежегодных археологических сессиях; сектор был инициатором создания ассоциации московских антиковедов, имеющей целью координацию научных усилий работников различных дисциплин, связанных с историей античного общества (историков, археологов, лингвистов, филологов, нумизматов, эпиграфистов и др.). К сожалению, в последние несколько лет деятельность ассоциации ослабла.

Следует отметить значительную работу членов сектора, связанную с охраной историко-археологических памятников. Сектором был подготовлен ряд документов, направленных в организации по охране памятников истории и культуры.

Одной из слабых сторон деятельности археологов всех направлений является недостаточная работа по популяризации историко-археологических знаний. Тем не менее сотрудниками сектора и в этой области проделана значительная работа. Она выразилась в издании нескольких брошюр, публикации журнальных и газетных статей, заметок, в чтении лекций и докладов, в выступлениях по радио и телевидению. Большая разносторонняя работа среди населения проводится членами сектора в период археологических экспедиций.

Расширились международные связи наших археологов-антиковедов. Эти связи выражаются в различных формах. Участие в международных конгрессах и конференциях: в 1958 г. на VII Конгрессе классической археологии в Риме В. Д. Блаватский сделал доклад о периоде протоэллинизма на Боспоре, в 1959 г. на конференции объединения антиковедов социалистических стран («Эйрене») в Эрфурте с докладами выступили Н. И. Сокольский («Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья»), Д. Б. Шелов («Эллинистические и варварские элементы в Танаисе в свете новых материалов») и И. Т. Кругликова («Поселения европейской части Боспорского царства в III в. н. э.»); в 1960 г. на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме был заслушан доклад В. Д. Блаватского «Процесс исторического развития и роль античных государств Северного Причерноморья». В 1962 г. на VI конференции «Эйрене» в Пловдиве с докладами выступили Д. Б. Шелов и Н. И. Сокольский. В 1963 г. значительная группа сотрудников сектора приняла участие в VIII международном конгрессе классической археологии в Париже, выступив с общим докладом (В. Д. Блаватский — «Воздействие античной культуры на северопричерноморские страны») и сообщениями (М. М. Кобылина, А. И. Болтунова, И. Т. Кругликова, Н. И. Сокольский), посвященными отдельным вопросам взаимодействия греко-античной культуры и культуры местных народов. В 1964 г. на конференции в Ленинграде членами сектора было сделано семь докладов (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина, И. Т. Кругликова, Е. И. Леви, Н. И. Сокольский, Д. Б. Шелов), в 1965 г. на конференции в Будапеште — четыре доклада (В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, А. И. Болтунова, Н. И. Сокольский), в 1967 г. на конференции в Гёрлице — два доклада (Д. Б. Шелов, А. И. Болтунова). А. И. Болтунова принимала участие в работе конференции эпиграфистов в Берлине в 1965 г.

За последние 10 лет сотрудники сектора побывали в многих странах (Греция, Италия, Франция, Турция, Египет, Тунис, Алжир, Югославия, Венгрия, Румыния, Болгария, Чехословакия, ГДР, Англия, Афганистан) для изучения археологических

⁵ «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959.

⁶ «Античный город», М., 1963.

⁷ «Античное общество», М., 1967.

⁸ «Культура античного мира», М., 1966.

материалов на месте раскопок, в музеях, для работы в библиотеках и научных учреждениях. Со своей стороны сектор оказывал содействие зарубежным ученым, приезжавшим в нашу страну, в ознакомлении их с материалами советской античной археологии.

Научные зарубежные связи, поездки и конференции сыграли большую роль для сектора в получении новых материалов и научной информации. С другой стороны, они позволили показать на международной арене наши достижения, изложить концепции советских археологов, базирующиеся на марксистско-ленинской теории и методологии. Коллективная работа сектора в этом направлении оказалась весьма плодотворной в деле идеологической борьбы с реакционными буржуазными теориями на историко-археологическом фронте.

Естественно, что сектору в своей работе приходится испытывать и трудности. Одной из них является недостаток кадров, лимитирующий расширение сферы научных исследований. Тем не менее и в этой области проводилась значительная работа, проявлявшаяся в постоянной заботе о повышении квалификации сотрудников самого сектора, защите ими диссертаций, в работе с аспирантами при секторе, в подготовке диссертаций прикомандированных к сектору аспирантов, в том числе из социалистических стран, в консультациях и обсуждениях научных работ и диссертаций сотрудников других, в том числе периферийных, учреждений, в работе со студентами и привлечении большого числа студентов университетов и пединститутов в экспедиции по исследованию античных памятников.

Говоря о работе сектора античной археологии ИА АН СССР, нельзя не сказать о заслугах и выдающейся роли в развитии советской античной археологии его бессменного руководителя, профессора Владимира Дмитриевича Блаватского⁹. Вся работа сектора, о которой мы говорили выше, неразрывно связана с его именем. В. Д. Блаватский возглавляет основные работы по изучению античных памятников нашей страны. Его теоретические и методические работы, его практическая педагогическая деятельность и руководство экспедициями способствовали развитию у нас в стране античной археологии и привели к созданию школы советских археологов-антиковедов.

Н. И. Сокольский

⁹ Д. Б. Ш е л о в, В. Д. Блаватский — исследователь античного мира, сб. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 5—9; здесь же приложен список трудов В. Д. Блаватского, стр. 11—18; Д. Б. Ш е л о в, В. Д. Блаватский, ВИ, 1965, № 2, стр. 168—170.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЕССИИ 1968 г.

С 15 по 20 апреля 1968 г. в Москве проходила очередная сессия Отделения истории и Институты археологии и этнографии АН СССР, посвященная итогам полевых исследований 1967 г., а с 24 по 26 апреля — научная сессия по итогам работ Государственного Музея изобразительных искусств в 1967 г. Не ставя своей задачей дать полный обзор работы этих сессий, мы остановимся только на тех докладах и сообщениях, которые по своей тематике близки профилю журнала.

Экономические связи городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в IV—II вв. до н. э. были рассмотрены в прочитанном на пленарном заседании археологической сессии докладе Н. А. О н а й к о. Как отметил докладчик, по сравнению с предшествующим временем это был качественно новый этап в торговых взаимоотношениях греков с приднепровско-побужским населением. «Он осуществлялся в процессе дальнейшего социально-экономического и культурного роста народов Северного Причерноморья, ознаменовавшегося подъемом городских хозяйств и сложением государственности у скифов». Как и в более раннее время, основными статьями античного импорта были амфоры, в которых ввозилось главным образом вино, глиняная посуда, различные бытовые предметы. Огромное количество их свидетельствует о значительном возросшем масштабе торговли в IV—II вв. до н. э. и о продвижении греческих товаров далеко на север, в Верхнее Приднепровье, чего не наблюдалось раньше. Разнообразие амфор указывает на большое число центров, откуда поставляли вино. Главные из них — Хиос, Фасос, Синопа, Боспор, Херсонес, особенно Гераклея. Глиняная посуда представлена изделиями главным образом аттических, а также малоазийских и северопричерноморских (Ольвия, Боспор) мастерских. Наиболее интенсивным ввоз вина и керамики в Среднее Приднепровье и Побужье был во второй половине IV в. до н. э., в Нижнее Приднепровье и Побужье — во второй половине IV—III в. до н. э. В отличие от керамики, изделия из металла ввозятся на эти территории почти

исключительно в IV в. Это изделия средиземноморских (посуда, украшения, доспехи) и местных, преимущественно боспорских (золотые обивки горитов и ножен мечей, посуда, украшения) мастеров. Далее Н. А. Онаяк привела ряд аргументов в пользу боспорского происхождения прославленных изделий торевтики — их стилистическая и сюжетная связь с монетной чеканкой Боспора и др. Основные направления в торговле со скифскими племенами в рассматриваемый период — боспорское (дорогие металлические изделия, собственные и из Средиземноморья, и др.) и ольвийское (вино, глиняная посуда, мелкие предметы быта из металла). Предметами вывоза из районов Приднепровья и Побужья, как и прежде, были, по-видимому, зерно, продукты животноводства, мед, воск и пр. Об увеличении вывоза зерна в IV в. свидетельствуют десятки возникших в это время поселений земледельцев. Большое значение при этом, возможно, продолжали иметь поставки зерна потомками скифов-пахарей Геродота. В III—II вв. до н. э. эта роль в известной мере перешла к обитателям нижнеднепровских торгово-земледельческих поселений. Торговое сотрудничество Ольвии и Боспора с племенами Приднепровья и Побужья в IV—II вв. до н. э. сопровождалось не везде одинаково, но в общем более глубоким, чем прежде, взаимовлиянием, что обуславливалось усилением роли античных государств Северного Причерноморья и дальнейшим социально-экономическим развитием племенного мира.

Подводя итоги, докладчик отметил, что в IV—II вв. до н. э. обитатели Приднепровья и Побужья поддерживали более тесные торговые связи с античными городами, чем их восточные и западные соседи. Особенно большой размах торговля получила в IV в. — в период, когда существовали наиболее благоприятные условия для расцвета окраинных античных государств (Сицилия, Кария, Македония, Боспор), города которых поддерживали тесные экономические связи с негреческими сельскохозяйственными территориями. В III—II вв. до н. э. в связи с новой исторической обстановкой в Северном Причерноморье эти связи сильно сокращаются. Сравнивая торговую деятельность городов, можно сказать, что Ольвия раньше всех установила экономические связи с внутренними территориями и неизменно обращалась к различным племенам, проявляя при этом гибкость как в выборе сфер своего влияния, так и в ассортименте импортируемых товаров. Боспор же торговал главным образом с племенами Нижнего и Среднего Приднепровья; его торговая деятельность была более кратковременна, чем ольвийская, но активнее.

О результатах работ Таманской экспедиции за последние четыре года рассказал Н. И. Соколовский. Исследования велись в основном в северо-западной части Таманского полуострова. До недавнего времени, кроме единичных находок, не было данных для суждения об его догреческой истории. Теперь известно, что полуостров был достаточно густо заселен земледельческими племенами с начала II тыс. Значительная часть курганов, особенно на северо-западе, относится к эпохе бронзы. Несколько из них были исследованы экспедицией, обнаружен также клад бронзовых орудий и слитков. С момента возникновения в Северном Причерноморье греческих поселений Таманский полуостров начинает играть особую роль, став в дальнейшем основой экономического могущества Боспорского царства. Главным занятием как местного населения, так и греков, было сельское хозяйство. В этом плане интересно открытие большого греческого поселения VI—V вв. до н. э. вблизи Патрея и поселений того же времени около Кеп.

Ведущиеся уже в течение ряда лет под руководством Н. П. Сорокиной раскопки Кеп позволяют восстановить основные вехи истории города. Расцвет его падает не на IV в. до н. э., как у большинства боспорских городов, а на начало III в. и особенно на II в. до н. э. Именно к этому времени относятся самые богатые курганы и наиболее важные памятники города, среди которых выделяются остатки святилища и храма, фрагменты скульптуры, замечательный терракотовый рельеф и др. В первые столетия н. э. Кепы сильно изменяют свой облик. Открытие здесь винодельческого квартала, наряду с находками виноделен на других городищах, приводит к выводу, что по виноградарству и виноделию азиатская часть Боспора не только не уступала европейской, но в первые века н. э. превосходила ее.

Изучение крепостей на Фанталовском полуострове подтвердило высказанную ранее гипотезу о существовании на древнем острове единой оборонительной системы из крепостей и валов, имевшей государственное значение. Обнаружены образцы фортификационного строительства. Так, на городище Батарейка II открыты стены и башни, в Патрее — крепостные ворота. Раскопки этих городищ, пока еще очень недостаточные, рисуют картину большого экономического подъема данного района в I—II вв., прерванного на короткое время вражеским нашествием. В городах процветало виноделие и связанное с ним производство тары (большая керамическая печь в Патрее, остатки печи на Батарейке II). Материалы раскопок показывают, что эта часть Боспора не переживала в IV в. н. э. столь большого упадка, как это рисуется иногда в литературе.

Особое значение Н. И. Соколовский придает раскопкам городища Ильичевка. В I—IV вв. здесь существовало обширное поселение, в центре которого возвышалась крепость. В отличие от многих городов и поселений Боспора, которые гибнут в конце IV в. под ударами гуннов, этот укрепленный пункт прекращает свое существование,

видимо, в начале VI в. Хорошая сохранность ряда погибших в пожаре помещений и обилие находок делают этот памятник важным для изучения Таманского полуострова в столь темную для нас эпоху раннего средневековья.

Большинство докладов и сообщений, о которых пойдет далее речь, были сделаны на секции скифо-сарматской и античной археологии.

После двухлетнего перерыва возобновились в 1967 г. работы Ольвийской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (доклад Е. И. Л е в и). Основными объектами работ явились две эллинистические постройки на агоре — здание суда, стоявшее при входе на агору, и гимнасий, ограничивавший площадь в ее юго-восточной части. Раскопки гимнасия, ведущиеся с 1961 г., показали, что от него сохранился только подвальный этаж. Центральную часть гимнасия занимало вытянутое с севера на юг помещение с двумя рядами колонн посередине. Вдоль восточной стороны шли банные помещения; в 1967 г. открыто шестое из них. Находки относятся в основном ко времени разрушения гимнасия в конце III—II в. до н. э. Ниже открыты остатки здания V в. до н. э. При восстановлении Ольвии после гетского разгрома весь этот район подвергся нивелировке, и на месте гимнасия была устроена площадь. Позднее здесь находилось крупное зернохранилище. От помещения суда IV—III вв. до н. э. дошли лишь слюевые фундаменты. В 1967 г. исследована восточная часть его и выявлена западная граница. Среди находок следует выделить значительное число своего рода глиняных лепешек и обломков стенок амфор со списками мужских имен или отдельными именами (подобные фрагменты с врезанными или выполненными красной краской именами были обнаружены также в 1963 и 1964 гг.). В более раннее время эту территорию занимало здание с рядом подвальных помещений, одно из которых исследовалось в 1964 и 1967 гг. В 1967 г. закончена также расчистка цистерны общей глубиной в 8 м, в которой обнаружено огромное количество битых кувшинов ольвийского производства III в. до н. э. В цистерне найдены также фрагменты мраморной статуй больших размеров и три незначительных обломка мраморных плит с надписями.

О старейшем плане Ольвии сделал сообщение И. Д. Р а т н е р. Этот план хранится в Центральном Государственном военно-историческом архиве (фонд № 418). Он был выполнен инженер-поручиком Очаковской инженерной команды И. С. Бориславским в самом начале XIX в. Сравнение его с известными планами И. И. Кеппена, И. М. Муравьева-Апостола и И. Бларамберга показывает, что основой их послужил план И. С. Бориславского, который вместе с тем имеет ряд элементов, дополняющих три остальных плана Ольвии. Как старейший топографический документ Ольвии, план И. С. Бориславского, как подчеркнул И. Д. Ратнер, является важным историческим документом для изучения планировки ольвийского городища и могильника.

С 1963 г. ведутся раскопки городища у с. Орловка Одесской обл. (доклад Р. Д. Б о н д а р ь). Городище представляет многослойный памятник. Наиболее четко прослеживаются два горизонта — эпоха раннего железа (фаза «С» гальштата) и первых веков. От VIII—VI вв. до н. э. сохранились остатки жилищ и нескольких печей. В северо-западной оконечности городища открыты стены крепости I в. до н. э. — I в. н. э. Вскрыты также остатки жилых помещений II—III вв. н. э. В керамике этих слоев, наряду с привозной, большое место занимает местная лепная посуда. Среди находок — значительное число черепиц с клеймами, граффити, а также изделия из металла, серебряные и медные римские монеты конца I — первой половины II в. Раскопки на городище позволяют сделать вывод о возникновении поселения в VIII—VI вв., в конце I тыс. здесь существует укрепление, которое в первых веках н. э. римляне, подчинив себе низовье Дуная, превратили в стоянку вексиллий I Итальянского и V Македонского легионов и кораблей Флавиева Мезийского флота.

Херсонесу были посвящены доклады Г. Д. Белова, В. В. Борисовой, В. И. Кадеева и О. Я. Савеля.

Общий доклад о раскопках Херсонеса в 1966—1967 гг. сделал Г. Д. Б е л о в. В 1967 г. завершено исследование расположенного в северной части города XXV квартала, раскопки которого велись в последние годы. В эллинистическое время здесь находилось три жилых дома, кладка которых отличается тщательностью исполнения (работы 1965—1967 гг.). О внутреннем декоре одного из них можно судить по большому количеству кусков расписной штукатурки и обломкам лепного орнамента. Керамика представлена амфорами Херсонеса, Синопы, Родоса и других центров, кувшинами местной работы, чернолаковой посудой и рельефными чашками; найдено также несколько терракотовых женских головок. Очень редки для Херсонеса остатки деревянных деталей, обнаруженных в одном из колодцев. К первым векам н. э. относятся две рыбозасолочные цистерны, одна из которых — громадных размеров (около 90 м³) — содержала огромное количество всевозможных предметов — керамики, изделий из стекла, железа, бронзы, кости и свыше 250 монет. Комплекс этот позволяет датировать некоторые формы амфор. В северной части квартала, под апсидой базилики 1932 г., в 1967 г. открыты остатки трех печей стеклоделательной мастерской с большим количеством характерных отходов стекольного производства — бесформенные куски, нити, капли и т. п., а также осколками стеклянной посуды и листового стекла. Время деятель-

ности мастерской на основании монет и керамики определяется концом III—IV вв. Таким образом, учитывая работы 1965 г., можно считать, что в XXV квартале в конце III—IV вв. находились две или три стеклоделательные мастерские. Вскрыт был кроме того ряд памятников, которые позволяют судить о жизни исследованного квартала в средние века — дом IX—X вв. с кладом в 190 монет, гончарная печь XI—XII вв. и др. Раскопки показали, что базилика 1932 г., как и базилика 1935 г., подвергалась перестройке.

Продолжалось изучение системы обороны Херсонеса. После многолетнего перерыва возобновились работы в юго-восточном районе города, так называемой цитадели (1958—1962 и 1967 гг., доклад В. В. Б о р и с о в о й). Раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича (1905—1907 гг.), Р. Х. Лепера (1910—1911 гг.) и К. Э. Гриневича (1926—1928 гг.) на территории цитадели были обнаружены позднеантичные и средневековые сооружения. Выявленные в ходе новых работ напластования укладываются в границы от II в. до н. э. до V—VII вв. н. э. Более поздние слои были сняты К. К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером. Слои II—I вв. незначительны, строительных остатков этого времени пока не обнаружено. Во вторичном использовании найдены отдельные украшенные резьбой и профилированные архитектурные детали, возможно, от построек позднеэллинистического времени. Открытые строительные остатки принадлежат зданиям I—IV вв.; выделяются три периода их. Работы показали, что предложенная К. Э. Гриневичем стратиграфия этого района (им было выявлено пять слоев) нуждается в уточнении. Совокупность данных об оборонительных сооружениях юго-восточной части Херсонеса свидетельствует, что этот район города был включен в территорию порта во II в. до н. э. Это расширение диктовалось соображениями как политического, так и экономического характера: с одной стороны, усилением политической обстановки и назреваемой войной со скифами, что потребовало срочного усиления обороны города, с другой, — ростом торговли, что привело к расширению защищенного места для стоянки судов.

Торговля Херсонеса с Малой Азией в I—IV вв. была темой доклада В. И. К а д е е в а. В первые века н. э. Херсонес переживал новый экономический подъем, который проявился в развитии ремесел и промыслов и оживлении внешней торговли, особенно с малоазийскими городами. Восстановление херсонесской торговли с Малой Азией относится к концу I в. до н. э. — I в. н. э., своего расцвета она достигает во II — первой половине III в. Малоазийский импорт этого времени представлен амфорами с южного берега Понта, краснолаковой посудой, светильниками, мрамором Пергама. Ввозились также оливковое масло, маслины, каштаны и др. В свою очередь, Херсонес, по-видимому, вывозил соль и продукты земледелия, получаемые из степных районов Крыма. На существование оживленной торговли указывают находки в Херсонесе монет Аматрии, Гераклеи, Кесарии Каппадокийской, Никеи, Синопы и других городов. Спад этой торговли наступает во второй половине III в. н. э., будучи вызван внешнеполитическими событиями в Северном Причерноморье и Малой Азии. Однако полностью экономические связи Херсонеса с Малой Азией не прерывались, они поддерживались и в IV и даже в V в., особенно с городами Южного Понта.

Об итогах изучения лепной керамики из Херсонеса рассказал О. Я. С а в е л я. Обломки лепной лощеной керамики с врезным и гребенчатым орнаментом постоянно, хотя и в небольшом количестве, встречаются при раскопках Херсонеса, а также сельских усадеб Гераклеиского полуострова. Обычно эту посуду считали таврской, причем ряд ученых (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и др.) видит в ней одно из основных доказательств существования поселений тавров в VII—V вв. до н. э. на месте будущего Херсонеса. Однако некоторые данные, и в том числе материал разведок докладчика на Северной стороне Севастополя и в низовьях р. Бельбек, по его мнению, скорее всего, указывают лишь на наличие туземных элементов среди населения Херсонеса в эллинистическое время и не могут быть доказательством существования местного поселения, предшествовавшего городу.

Итоги работ, проведенных рядом археологов в последние годы в Северо-Западном Крыму, подвел в своем докладе А. Н. Щ е г л о в. Теперь, как считает докладчик, уже представляется возможным определить характер и хронологию населенных пунктов этого района. Почти все поселения возникают здесь, вероятно, с последней трети IV в. до н. э. как населенные пункты хоры Херсонеса. Среди них А. Н. Щеглов выделяет несколько типов: города с прилегающими к ним сельскими округами; укрепления; поселения, состоящие из небольшого укрепления и расположенного рядом селения; деревни с регулярной планировкой и крупными усадьбами; отдельно стоящие усадьбы. Анализ типов поселений, систем обороны, архитектуры и планировки, а также общего облика хозяйства позволяет говорить о Херсонесе конца IV—II вв. до н. э. в целом как о типично эллинистическом государстве со всеми присущими ему чертами. Не позже середины II в. до н. э. херсонесские поселения и укрепления захватываются скифами, часть из них разрушается и более не восстанавливается, на пожарах же других спешно возводятся скифские крепости. Эти крепости во многом сохраняют старую планировку, но резко отличаются всем своим обликом, который находит параллели в нижнеднепровских скифских городищах. Многие крепости становятся укрепленными

центрами, своеобразными «акрополями» крупных поселений. Дальнейшая история Северо-Западного Крыма связана с местным, очевидно, сильно сарматизованным населением. Во II—III вв. на некоторых поселениях ликвидируются оборонительные системы «акрополей», и они превращаются в незащищенные деревни. Окончательная гибель поселений может быть отнесена ко времени не позже III в.

Оживленное обсуждение вызвал доклад А. А. Щепинского, в котором было дано иное, чем общепринято, понимание кизил-кобинской культуры. Большинство исследователей считает кизил-кобинскую культуру таврской, подразумевая обычно ее ранний этап. Однако материалы новых раскопок позволяют, по мнению докладчика, поставить вопрос о том, что кизил-кобинская и таврская — две разные культуры эпохи раннего железа; территория распространения их не совпадает. Каждая из них характеризуется своими памятниками, прочно установившимся погребальным обрядом и своей четко различимой керамикой. В порядке рабочей гипотезы А. А. Щепинский допускает, что кизил-кобинская культура возникла на базе позднекатакомбной. Очевидно, по его мнению, правы те исследователи, которые считают, что племена кизил-кобинской культуры — это часть киммерийцев, оттесненных в горный Крым скифами в конце VIII—VII вв. до н. э. С течением времени они приобрели свои локальные особенности, которые мы сейчас воспринимаем как кизил-кобинскую культуру.

И. И. Гушчин на рассказывала о работах Государственного Исторического музея в долине р. Бельбек в Крыму. В 1966 г. был доисследован могильник Бельбек II, расположенный у с. Красный мак Бахчисарайского района (14 погребений), в 1967 г. возобновились раскопки могильника Бельбек III на восточной окраине Севастополя (18 погребений). Время существования могильников — вторая половина II — первая половина III в. Погребальный обряд на обоих могильниках сходен, инвентарь состоит из красноглиняной керамики, главным образом херсонесского производства, бронзовых изделий, бус и др. Инвентарь позволяет предполагать тесные экономические связи населения долины р. Бельбек с Херсонесом, в то время как в погребальном обряде можно выявить черты, сближающие эти могильники с памятниками, оставленными смешанным скифо-сарматским населением из района Неаполя Скифского и долины р. Альмы.

Объектом работ Боспорской экспедиции в 1967 г. (при участии Керченского музея) были погребальные сооружения в окрестностях Керчи (доклад П. Н. Шульца). Главная задача заключалась в исследовании кургана Кара-Оба, раскопки которого были начаты в 1859—1861 гг. А. Е. Люценко и продолжены в 1955—1956 гг. В. Ф. Гайдукевичем. Это самый высокий курган в Крыму (общая высота до раскопок около 24 м). Курганы опоясывают два мощных кольца каменных креpid, образующих своего рода каркас земляной насыпи. Главное внимание при раскопках 1967 г. было уделено изучению очень сложной стратиграфии. Креpidы были сооружены, по-видимому, одновременно. Судя по находкам в насыпи, курган относится скорее всего к периоду позднего эллинизма. В настоящее время памятник исследован примерно на три четверти; погребение пока не обнаружено. Кроме того, экспедиция изучала топографию погребальных памятников в окрестностях Кара-Обы. В охранных целях был исследован курган (№ 1), расположенный между центральной и северной грядой к западу от с. Октябрьское. Он содержал погребальное сооружение мегалитического характера с тремя кольцевыми кромлехами второй половины II тыс. до н. э. На северном склоне центральной гряды, у Золотого кургана, был исследован малый уступчатый склеп, частично изученный в 1961 г. В. И. Цехмистренко (в сильно поврежденном кургане № 2, склеп ограблен), предположительно его можно отнести к последней трети IV в. до н. э. На северном склоне горы Митридат экспедицией был обследован комплекс склепов с лежанками, нишами и дромосами, заложенными плитами. Часть склепов имеет росписи, выполненные сажой и охрой по чистой глине. Все склепы разграблены; судя по находкам, они относятся к III—IV вв.

Большой интерес представляет рельеф, обнаруженный в 7 км к югу от Керчи около дер. Огоньки (доклад Д. С. Кириллина). Рельеф был найден около уступчатого склепа с двойным женским захоронением, раскопанным ранее. Рельеф представлял надгробие, высота его — около 3 м, ширина — более 1,5 м, материал — известняк. По мнению докладчика, рельеф двухъярусный, в первом ярусе изображена сцена прощания погребенной женщины с всадником, во втором представлена квадрига с возницей на двухколесной колеснице; рельеф был раскрашен красной краской. Д. С. Кириллин считает его произведением боспорского мастера, испытавшего влияние греческих образцов, и датирует IV веком до н. э.

Основной задачей работ 1966—1967 гг. в Нимфее, где уже в течение многих лет ведет раскопки Эрмитаж, было дальнейшее исследование большого здания из розового мергеля и его окружения на северной окраине города (доклад Н. Л. Гривач). Это первое в Нимфее здание эллинистического времени — до сих пор остатков эпохи эллинизма обнаружено не было, что объясняется перестройками первых веков н. э. Ранее это здание считали культовым сооружением, но последние работы позволяют, по мнению докладчика, видеть в нем скорее торговые ряды или жилое помещение. К северу от здания исследовалась улица, имевшая в ширину 4 м (расчищена на протяжении 30 м).

При разборке вымостки были открыты водостоки с водосборниками, относящиеся к III—II вв. до н. э. Все это говорит об интенсивности жизни данного района в эпоху раннего эллинизма. В верхних слоях находились плохо сохранившиеся остатки зданий II—III вв. н. э. Кроме того, обнаружено 19 хозяйственных ям разного времени (от VI в. до н. э. до III в. н. э.), давших хорошие единовременные комплексы керамики. К северу от Нимфея велись охранные раскопки некрополя. Обследованы два вырубленных в скале склепа, состоящие из четырехугольной камеры и короткого дромоса, со следами погребений II в. н. э. (гипсовые украшения саркофагов, разбитые стеклянные сосуды, монеты).

Два доклада — Э. В. Яковенко и В. Н. Корпусовой — были посвящены работам Керченской экспедиции Института археологии АН УССР в 1967 г. Э. В. Яковенко рассказала об остатках винодельни и каменоломни, обнаруженных к юго-западу от с. Слюсареве Ленинского р-на Крымской обл. Остатки винодельни представляют собой 7 комплексов из 29 круглых тарапанов. В каждом комплексе сгруппировано от двух до восьми тарапанов. Тарапаны круглые, однотипные, в среднем диаметром в 0,45—0,60 м. Почти все они высечены на месте разработки камня по юго-восточному склону холма. Никакого датирующего материала не найдено; на основании сопоставления тарапанов с винодельнями Боспора и Херсонеса докладчик датирует их III—II вв. до н. э. Ко времени не позднее III—II вв. относит Э. В. Яковенко и каменные разработки, следы которых зафиксированы на скальных выступах. Винодельни у с. Слюсареве — первый в Северном Причерноморье производственный центр, столь значительно удаленный от городов.

В докладе В. Н. Корпусовой речь шла о первом могильнике III—IV вв., обнаруженном на периферии Боспора — у с. Заморское Ленинского р-на Крымской обл. Большая часть могильника уничтожена стройкой; раскопано 26 погребений. В засыпках некоторых погребальных ям найдены остатки тризны, обычный инвентарь — глиняная и стеклянная посуда, ножи, украшения, монеты. Население, оставившее могильник, докладчик считает однородным в социальном отношении, средним по своему достатку. Хронологические рамки могильника определяются в пределах второй половины III — второй половины IV вв. В погребальном обряде и инвентаре В. Н. Корпусова видит сочетание элементов греческих, сарматских, а также культуры племен, входивших в готский племенной союз. Материалы могильника показывают, что после гибели в 70-х гг. III в. поселений у сел Ново-Отрадное, Семеновка и др. жизнь в этом районе Боспора продолжалась.

На Азиатском Боспоре в 1967 г. продолжались раскопки жилого квартала Горгипии (доклад И. Т. Кругликовой). Велась расчистка домов III в. н. э., расположенных к северу и югу от улицы. В восточной части изучаемого участка открыта поперечная улица шел канала, подводивший воду к отстойному колодцу. Судя по керамике под ее плитами, жизнь в этом районе Горгипии началась в конце V — начале IV в. до н. э. и монетам, жизнь в первой половине III в. н. э. О местном производстве позволяют судить кирпичи с сарматскими знаками, керамический брак и ряд керамических изделий. Находки бронзового бюста Деметры-Изиды, стеклянных сосудов из Александрии и краснолаковой керамики свидетельствуют о связях города с восточными провинциями Римской империи.

Из докладов о памятниках эпохи бронзы упомянем об одном, связанном со сложной проблемой киммерийцев. Основой анализа наконечников стрел предкифского периода А. М. Лесков у послужили находки с Кировского поселения на Керченском полуострове. Особый интерес представляет литейная матрица для наконечников стрел — старейшая в Восточной Европе. Эта находка позволяет перенести появление трехлопастных втульчатых стрел и пересмотреть вопрос об их иранском или мидийском происхождении. Находка важна для изучения военного потенциала племен позднесрубной культуры в конце II или начале I тыс. до н. э. — времени первых далеких походов киммерийцев.

Материалы раскопок двух больших скифских городищ — Трахтемировского (Киевская обл.) и Бельского (Полтавская обл.) — нашли отражение в докладах Г. Т. Ковпаненко, Б. А. Шрамко и А. А. Моруженко.

В ходе работ, ведущихся на Трахтемировском городище Институтом археологии АН УССР с 1964 г. (доклад Г. Т. Ковпаненко), открыто 35 жилых и хозяйственных построек, в том числе — помещение с жертвенником. Время существования городища определяется VI в. до н. э. Жители его занимались земледелием и скотоводством; знали они и ремесла: ткачество, обработку кожи, кости, металла. На ранние связи скифов с античным миром указывают обломки родосской, самосской, понийской керамики конца VII—VI вв. до н. э.

Из результатов раскопок Бельского городища в 1967 г., проводившихся Харьковским университетом (доклад Б. А. Шрамко), особый интерес представляет вскрытый на Восточном Бельском городище комплекс усадьбы V в. до н. э.: жилая землянка и хозяйственные помещения — для скота, помола зерна и др. На другом раскопе обнаружены многочисленные следы бронзолитейного производства, а также остатки

глиняного жертвенника, зооморфные культовые статуэтки и обломки человеческого черепа. Судя по характеру разнообразных находок, Восточное Бельское городище возникло во второй половине VII в. до н. э. Найдено весьма большое количество фрагментов античной керамики — амфор и столовой посуды.

Жилище усадьбы V в. до н. э. на Восточном Бельском городище было темой отдельного доклада А. А. Моруженко. Как считает докладчик, сравнительно небольшие размеры землянки (25 м²) свидетельствуют о выделении малых патриархальных семей, что характерно для периода разложения родовых отношений.

Основные этапы развития сарматского искусства в наиболее ярком его проявлении — зверином стиле — были определены в докладе Л. Я. Маловицкой. Докладчик выделяет три этапа: период формирования (VI—IV вв. до н. э.), когда существовали два различных друг от друга района — Южный Урал и Нижнее Поволжье; V—II вв. до н. э., когда исчезают локальные особенности, изменяются сюжет, композиция; III этап — II в. до н. э. — I в. н. э., когда в результате тесного соприкосновения с античными центрами возникает целая серия полихромно-инкрустационных произведений; сарматский звериный стиль постепенно теряет своеобразие, характерное для ранней эпохи.

О раскопках Елизаветовского могильника на Нижнем Дону сделал доклад И. Б. Брашинский. Объектом работ 1966—1967 гг. были небольшие курганы на южной окраине хутора Городище. За два года вскрыто более 30 погребений. Среди них следует выделить курганы, хронологически предшествующие известным до сих пор на этом некрополе, — первой половины V в. до н. э. Очевидно, согласно докладчику, Елизаветовское поселение как крупный центр греко-скифской торговли возникло не на рубеже V и IV вв., как было принято считать, а по крайней мере еще в начале V в. В большинстве курганов были похоронены скифские воины. Среди инвентаря — предметы вооружения: мечи-акинаки, наконечники копий, стрелы, многочисленная импортная (амфоры, аттическая чернофигурная и чернолаковая) и местная лепная керамика. Эти совместные находки дают основание для уточнения датировок. Следует особо выделить одно из погребений первой половины V в., очевидно, савроматки-«амазонки»: наряду с характерным для женских могил инвентарем в нем оказался полный набор оружия. Раскопки последних лет как могильника, так и городища, по мнению И. Б. Брашинского, все более определенно указывают на их скифский характер. Тем самым под серьезное сомнение ставится прежний тезис о Елизаветовском городище как колонии боспорских греков. Вместе с тем раскопки показывают очень тесные экономические связи его с греческим миром. В 1967 г. начаты также раскопки курганного могильника в западном районе г. Ростова-на-Дону. Раскопаны впускное погребение VI в. до н. э. в кургане эпохи бронзы и два скифских кургана IV в. до н. э., наиболее северных из известных в настоящее время на Нижнем Дону.

Важному вопросу о путях, связывающих Скифию с Передней Азией, был посвящен доклад Ю. Н. Воронова «Распространение памятников скифского типа на территории Абхазии». Как считает докладчик, скифы впервые использовали меотско-колхидский путь только в первой четверти VI в. до н. э. при своем возвращении из Передней Азии. Вторая хронологическая группа находок — первой половины V в. до н. э. — может быть увязана с ответным походом скифов против Дария.

В 1966 г. возобновились после трехлетнего перерыва раскопки Ванского городища в Колхиде (доклад Н. В. Хохлатова, Р. В. Путуридзе и О. Д. Лордкипанидзе). В ходе работ 1966—1967 гг. был открыт и почти полностью раскопан комплекс городских ворот, которые фланкировались полукруглой башней. Мощные оборонительные стены сложены из прекрасных отесанных рустованных квадров. Вблизи ворот сохранился постамент статуй с греческой надписью: «Молю тебя, владычица». У входа на акрополь раскопано культовое здание с алтарем, найдены и приношения — кувшины с красными полосами, миски и амфоры. К храму вела мостовая, мощеная мелким булыжником. Весь этот комплекс был сооружен в IV—III вв. и разрушен в I в. до н. э.; повсюду видны следы сильного пожара. В 150 м к юго-востоку от ворот почти полностью вскрыто святилище II в. до н. э. с алтарем. На его разрушенном мозаичном полу найдены колхидский пифос и обломки примерно 40 колхидских амфор, 120 медных монет понтийского чекана, железная курильница и сильно деформированный бронзовый сосуд. О великолении сосуда позволяют судить сохранившиеся скульптурные украшения его. Это — три статуэтки орлов с распростертыми крыльями, шесть рельефных головок божеств круга Диониса и фигурка Ники высотой в 25 см. На восточном склоне центральной террасы городища обнаружены сооружения V—I вв. до н. э. Среди многочисленных найденных здесь архитектурных деталей выделяются три львиных головы, одна из которых украшала стену, а две другие были частями симы раннеэллинистического здания. В заключительном слове О. Д. Лордкипанидзе высказал некоторые соображения об общем характере этого городища и его возможной идентификации.

Из докладов, прочитанных в секции нумизматики, следует упомянуть доклады А. Г. Загинайло, П. О. Карышковского, В. А. Анохина, Х. А. Мушегяна и М. М. Ра-суловой.

«К вопросу о распространении монет западнопонтийских городов на территории СССР (VI—III вв. до н. э.)» — такова была тема доклада А. Г. Загиная. На территории СССР известны монеты всех основных городов западного Понта — Тирис, Истрии, Том, Каллатин, Дионисополя, Одесса, Месембрии, Аполлонии. Это главным образом единичные монеты, найденные на древних поселениях, монеты Истрии встречаются также в виде кладов. Находки западнопонтийских монет на территории СССР иллюстрируют размах экономических связей Северо-Западного Причерноморья в античное время. Особое место в торговле занимала Истрия, монеты которой служили платежным средством на всем Северо-Западном Причерноморье.

Анализ двух кладов кизикинов, которые в VI—IV вв. до н. э. служили главным платежным средством в торговле причерноморских городов, был дан в докладе П. О. Карышковского. Это небольшой клад из Ольвии, который к тому же удалось собрать в очень малой части, и клад у с. Орловка (см. доклад Р. Д. Бондаря). Из 71 поступившей в Одесский музей монеты 5 датируются 570—460 гг., 16 — 460—400 гг. и 50 — 400—300 гг. до н. э. В кладе представлены кизикины 43 типов, из которых 3 вообще, по-видимому, были до сих пор неизвестны. Изношенность монет и особенности сосуда, в котором они были спрятаны, позволяют предполагать, что клад был зарыт по крайней мере спустя четверть столетия после выпуска самой поздней из монет. Как считает докладчик, вполне возможно, что зарытие клада связано с обстановкой, сложившейся в Нижнем Подунавье накануне похода Лисимаха против гетов (первое десятилетие III в. до н. э.).

Относительной стоимости золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—IV вв. до н. э. был посвящен доклад В. А. Анохина. Ольвийский декрет начала IV в. до н. э. (IOSPE, I², 24) и речь Демосфена против Формиона, составленная в 327/6 г., позволили докладчику определить боспорское радио для 327/6 г. в 13 1/5, а радио в Ольвии на рубеже V и IV вв. в 14 1/5. Сравнение понижения радио золота и серебра в Греции и Северном Причерноморье с конца V в. до 327/6 г. до н. э. говорит об устойчивости высокого радио в последнем. Это неминуемо должно было привести к усиленному ввозу серебра в Грецию и вывозу отсюда золота, следствием чего явилась начатая Боспором около середины IV в. чеканка золотых монет, равных по ценности кизикинам, и так называемый денежный кризис III в. до н. э., вызванный отсутствием в обращении серебра и заменой его полноценной медью.

К истории денежного обращения в Армении V—I вв. до н. э. обратился в своем докладе Х. А. Мушегян. Самые ранние монеты, найденные в Армении, относятся к V в. до н. э. Собственно армянский чекан возникает во II в. до н. э. в городах Софены и Малой Армении. Увеличение выпуска монет и их поступление в сферу международного обращения наблюдаются в первой половине I в. до н. э.

Нумизматические находки как источник изучения связей Кавказской Албании с античным миром были рассмотрены в докладе М. М. Расуловой. Находки этих монет на территории Азербайджана в известной мере позволяют также нарисовать общую картину денежного обращения в Албании с IV в. до н. э. по III в. н. э. Денежное обращение устанавливается на территории Азербайджана со времени походов Александра Македонского, в III—II вв. до н. э. Селевкидские и аршакидские монеты сюда проникают в III в. в небольшом числе, во II в. — в более значительном количестве; возможно также предполагать наличие связей с Греко-Бактрией. На эллинистическое время падает и начало собственного чекана Кавказской Албании, подражавшего монетам Александра. В I в. до н. э. — I в. н. э. Албания в числе других стран становится ареной борьбы между Парфией и Римом, что подтверждается и монетными находками; денарии Августа и аршакидские драхмы Готарса были широко распространены здесь и находились в обращении вплоть до III в.

Археологические работы, проведенные в 1967 г. Музеем изобразительных искусств, нашли отражение в трех докладах, прочитанных на научной сессии, посвященной итогам деятельности музея за этот год.

В Пантикапее продолжалось исследование северо-восточной части Ново-Эспланадного раскопа, на склоне, соединяющем четвертую и пятую террасы (доклад И. Д. Марченко). Наиболее ранний слой (в южной части вскрытой площади) содержал остатки постройки архаического времени, к которой примыкала мусорная яма с фрагментами чернофигурной керамики конца VI в. до н. э. В конце IV — начале III в. на этом участке строится каменный погреб, где оказалось несколько целых гераклейских и фасосских амфор. В северной части раскопа обнаружена улица, соединявшая четвертую и пятую террасы; эта улица существовала с конца VI до конца II в. до н. э. Открытие ее позволило выяснить размер одного квартала архаического Пантикапея. Во II в. до н. э. в связи со строительством пританея здесь возводится подпорная стена. После гибели пританея происходит перепланировка участка, сооружается новая подпорная стена и проводится водосток; улица, по-видимому, смещается несколько западнее. В III в. на месте ее существовала винодельня (сохранились давальная площадка и две цистерны) — шестая по счету из числа открытых в Пантикапее. Севернее обнаружены две зерновые ямы. Из архитектурных деталей, найденных при раскопках 1967 г., следует отметить мраморный пиластр. Проведены были также реставрационные работы

по сооружению северной подпорной стены и укреплению кладки в западной части пританей.

А. В. К о р о в и н а рассказала о раскопках некрополя Тирамбы. В 1967 г. было вскрыто 30 могил, датирующихся временем от конца VI в. до н. э. до III в. н. э. Наибольший интерес представляют три могилы — самые ранние среди 94 погребений, до сих пор открытых на некрополе. Они относятся к концу VI — началу V в. до н. э., т. е. принадлежат первым поселенцам Тирамбы. В двух из них были похоронены воины (инвентарь — набор оружия: меч, копьё, железные и бронзовые наконечники стрел, железные наконечники дротиков, железный топор). Докладчик также выделяет склеп II в. до н. э. с двумя погребениями. Северная ориентация погребенных и характер инвентаря свидетельствуют, по мнению А. К. Коровиной, о новых этнических элементах в населении Тирамбы, скорее всего — сарматских. Впервые на некрополе в 1967 г. была открыта и могила III в. н. э. с типичной для этого времени керамикой.

В 1967 г. продолжались раскопки крепости VIII в. до н. э. города Эребуни (доклад С. И. Х о д ж а ш). Основной задачей сезона было изучение опоясывающей крепость стены, которая обнаружена теперь вокруг всей цитадели. Наиболее хорошо стена сохранилась в южной части холма, где каменное основание ее достигает в высоту 6 м. В 1967 г. здесь было обнаружено каменное основание второй, параллельной первой, стены также с контрфорсами. Стена расчищена частично только с одной стороны, так что толщина ее еще неизвестна. Найдены три надписи урартского царя Сардури, сына Аргишти, в которых говорится о строительстве зернохранилищ — «ари». При Сардури территория крепости расширяется. Одновременно велись раскопки в южной части крепости между большим залом с примыкающими к нему 13 комнатами хозяйственного назначения и внешней крепостной стеной. Здесь были найдены фрагменты росписи (сцена охоты и др.) и большое количество характерной для VIII в. керамики, на многих чашах имеются клейма мастера. Большой интерес представляет открытие обломков карасов с процарапанными на них изображениями животных — верблюдов, диких коз, антилоп. С. И. Ходжаш считает их подготовительными рисунками для монументальных росписей в Эребуни. Эти подготовительные рисунки, позволяющие проследить творческий процесс мастера, послужат важным источником для понимания характера урартского изобразительного искусства.

Л. П. Маринович